

Молот ведьм

Автор:

Константин Образцов

Молот ведьм

Константин Образцов

Одним холодным петербургским вечером уже немолодой интеллигентный человек, обладающий привлекательной внешностью и изящными манерами внезапно начинает убивать женщин. Молодых и старых. Красивых и не очень. Убивать изощренно, продуманно, осмысленно и планомерно. Убивать с нечеловеческими пытками, от которых у людей вмиг ломается воля и сколь-нибудь заметное желание сопротивляться. Он делает это с ледяным спокойствием, с абсолютным убеждением в острой необходимости своей миссии. Паспорта казненных женщин мужчина оставляет рядом с их полу сожженными останками – чтобы полиции легче было опознать тела убитых. А так же табличку с лаконичной надписью «Ведьма». Следователи сбилась с ног, отыскивая жуткого «серийника», прозванного Инквизитором. Они отметают одну версию за другой, пытаясь разгадать мотивы жестоких убийств. Все тщетно. Так кто же он – этот жестокий убийца? Очередной маньяк – шизофреник или новый герой нашего времени, вынужденно взваливший на себя неблагоприятное бремя палача? Хладнокровное чудовище или несчастный человек, просто не нашедший иного, менее кровавого способа спасти мир?

Константин Образцов

Молот ведьм

«Ведьмы существовали за счет наиболее грязных чувств и эмоций своей эпохи».

Август Монтегю Саммерс.

«Следует видеть причину испорченности не в чёрте, а в человеческой воле».

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис.

«Задача писателя – показать людям мир, в котором они живут. Мы держим для них зеркала».

Нил Гейман.

Глава 1

22 марта 20... г.

В купе темно, жарко и пахнет старым вагоном: разогретым железом, бельевой пылью и холодной едой. Свой пиджак я давно снял и пристроил поверх пальто на вешалке у двери, рядом с висящей на крючке шляпой. Моя попутчица стянула свитер – не раньше, впрочем, чем мы привыкли друг к другу – и сейчас на ней только черные тонкие брюки и белая футболка с глубоким вырезом на полной груди. Когда редкие синеватые вспышки фонарей за окном освещают купе, широкие мягкие тени скользят по ее телу, как ласковые ладони. Сапоги она тоже сняла и сидит, поджав ноги. У нее прекрасные изящные стопы и темный лак на ногтях. Я думаю о том, какого цвета он может быть: черный? Темно-вишневый? Может быть, синий?

Я подсел к ней в Бологое. В купе кроме нее никого не было – повезло. Мне вообще в последнее время очень везет. Она сидела на нижней полке слева от двери: светловолосая молодая женщина, с пышной зрелой фигурой и большими голубыми глазами. Я вошел и поздоровался; она оторвала взгляд от смартфона, глянула на меня настороженно и немного недовольно, ответила на приветствие и снова стала смотреть в экран.

Сейчас почти все так проводят свободное время: смотрят в какой-нибудь экран.

Сначала мы молчали, как всегда в начале пути молчат незнакомцы в поезде, только изредка посматривали друг на друга, так, чтобы другой этого не заметил. Потом понемногу разговорились: ужасный поезд, такой древний, просто мало кто ездит сейчас на поездах с дальнего Юга России в Петербург, все пользуются самолетами, но что делать, если нужно уехать из Москвы, а билеты есть только на транзитный, все-таки выходные, ну ладно, доедем, главное ведь хорошая компания – и все в таком роде. Она сказала, что занимается пошивом одежды, разных необычных сценических костюмов, и ездила в Москву по работе: была у крупного заказчика, а теперь возвращается обратно, и ей нужно обязательно быть дома до завтрашнего утра, потому что у нее маленькая дочь, с которой сейчас сидит мама.

Упоминание дочки – хороший знак того, что все идет так, как надо, и можно делать следующий шаг.

– Давайте познакомимся, – предложил я и назвал свое имя.

– Очень приятно, – ответила она. – А я Оксана.

Немного замешкавшись, она протянула мне руку, и я слегка пожал теплые нежные пальцы.

Оксана улыбнулась, глядя на меня, и я точно знал, кого она видит: интеллигентного мужчину средних лет, аккуратного, неплохо одетого, с располагающей внешностью и обаятельной улыбкой.

– А чем Вы занимаетесь? – поинтересовалась Оксана.

– Историк-медиевист, – ответил я и пояснил. – Изучаю Средние века.

– Это, наверное, очень интересно, – заметила она. – Такой таинственный и мрачный период истории: замки, крестовые походы, инквизиция, пытки... Ужас.

Мне хотелось ответить, что я считаю Средневековье одной из самых достойных страниц в неблагоприятной биографии человеческого рода, которому как раз сейчас бы не повредили и Крестовые походы, и Святая Инквизиция, какой она была в годы своей силы и славы, но это не лучшая тема для продолжения

разговора.

- Да, - сказал я. - Совершенно согласен. Захватывающие времена.

Я рассказал, что ездил к своему научному руководителю в Бологое, консультировался по вопросам докторской диссертации. А еще советовался по поводу издания книги, исторической монографии, которая скоро выйдет в свет.

- Книга! Как здорово! - восхитилась Оксана. - Я обязательно куплю! Дадите мне автограф?

- Конечно, - улыбнулся я. - С удовольствием.

- Наверное, тоже торопитесь домой? - спросила она.

Я понимаю, что она хочет услышать, и ответил, нисколько не погрешив против правды:

- Не очень. Меня ведь никто не ждет.

Мимо окна мелькает пустынная платформа, низкое деревянное строение с темными окнами, и яркий рыжий фонарь, на мгновение заливающий купе волной золотистого света. Безлюдный полустанок похож на брошенную декорацию к несостоявшейся жизни. Он появился и тут же исчез в ночи, как ненужное воспоминание, и через несколько мгновений поезд уже снова мчится в ненастном мраке сквозь дождь и мокрый снег.

- Это какая станция была?

- Не знаю, - ответил я. - Не успел разглядеть.

Колеса выстукивали угрюмый ритм, вагон вздрагивал и чуть покачивался на стыках рельс, черный рваный силуэт леса извивался вдоль дороги, и мимо порой проносились желтоватые огоньки деревень, похожих на иные миры. Когда до города оставалось чуть больше двух часов пути, Оксана начала рассказывать о себе. Кажется, я спросил что-то о ее работе, о том, много ли заказов, и она,

сначала чуть сбивчиво, медленно, подбирая слова, а потом все больше увлекаясь, принялась рассказывать свою историю.

Я сидел, слушал, и думал, что человеческие жизни будто пишут разные авторы: кому-то достается мастер детективной интриги, кому-то любитель авантурных сюжетов, но гораздо чаще по клавишам пишущей машинки людских судеб колотит убогий бытописатель серых офисных будней или стареющая авторесса однообразно унылых женских романов.

Мать-одиночка, так и не вышедшая замуж за человека, с которым прожила три года и который в один прекрасный день пропал вместе с ее немногочисленными сбережениями. Жизнь в квартире у пожилой мамы, в трудные времена помогавшей деньгами из собственной небогатой зарплаты и принявшей к себе вместе с ребенком, несмотря на прошлые обиды и ссоры. Попытка создать швейное ателье вместе с подругой по колледжу: та, едва лишь появились первые признаки успеха, воспользовалась доверием, бывшим основой их скромного совместного бизнеса, и выбросила свою партнёршу из дела. Безденежье, особенно ощутимое при растущей дочери, которой на следующий год предстоит идти в школу, доходы от редких заказов, почти полностью уходящие на выплаты по старым долгам...

Я сочувственно кивал и думал, что жизни Оксаны срочно требуется сменить автора.

– Но сейчас ведь все налаживается? – спросил я. – Вот, в столице получили хороший заказ.

– Да, – почему-то безрадостно отозвалась она. – Начало налаживаться.

И отвела взгляд.

Дальше мы едем в молчании. Вместо леса вдоль дороги потянулись низкие стальные ангары, заброшенные заводские корпуса из раскрошившегося кирпича, с разбитыми окнами и провалившимися крышами, поросшими сорной травой, почерневшие металлические конструкции, тускло блестящие от воды, покореженный трактор, дырявые железные бочки – словно сцены из фильма, в котором технократическая цивилизация уничтожила себя, изуродовав мир вокруг ржавчиной, бензином и машинным маслом.

– Скоро город, – говорю я и встаю. – Через полчаса уже прибудем. Вам куда ехать?

Оксана садится, спустив ноги с полки, и смотрит на меня снизу вверх.

– Мне далеко вообще-то, – неуверенно говорит она. – На Богатырский проспект, почти у кольцевой.

– Давайте я Вас подвезу, – предлагаю я. – У меня машина рядом с вокзалом.

Теперь фонари уже не проносятся, а проплывают один за одним, свет и тени кружатся по купе в медленном танце. Оксана чуть нагибается вперед, глубокий вырез футболки, натягиваясь под тяжестью груди, сползает ниже, но я стараюсь смотреть ей в глаза: они большие и широко распахнутые, как у ребенка, которого незнакомый взрослый дядя зовет посмотреть щенка. Я понимаю, что ей нужно немного помочь, и делаю это.

– Сейчас уже поздно, метро закрыто, – подсказываю я. – И погода ужасная. Вам все равно придется на такси ехать или машину ловить, а я не хочу, чтобы Вы промокли или Вас украли.

Я улыбаюсь, и она тоже улыбается в ответ.

– Спасибо большое! А Вам точно не сложно?..

Я знал, что она согласится. Мать-одиночка автоматически примеряет любого мужчину, с которым пообщалась дольше минуты, на роль мужа и отца своего ребенка, и нельзя сказать, что в моем случае эта примерка была неудачной.

Поезд медленно втягивается под навес вокзала, как старый усталый змей, возвращающийся в родную нору. Мы протискиваемся по узкому коридору вагона, я впереди, она следом, проходим мимо сонного тощего проводника в поношенном форменном пиджаке, и ступаем на мокрый асфальт платформы. Я помогаю ей вытащить большой красный чемодан на колесиках. У меня из вещей только потертый портфель с книжкой и блокнотом внутри.

– Оксана, – говорю я, – Вы можете одна выйти на улицу? У меня машина стоит на Гончарной, я пойду вперед, прогрею немного и встану у тротуара, хорошо?

Она немного растеряна, но не задает вопросов и соглашается. Мы обмениваемся номерами телефонов на случай, если что-то пойдет не так, и я быстро иду к зданию вокзала мимо патрульных полицейских и редкой цепочки похожих друг на друга угрюмых мужчин, монотонно бормочущих, словно заклятие: «Такси, такси, такси недорого, такси...».

Я вхожу в большие стеклянные двери и сразу сворачиваю направо, в один из боковых выходов. Узкий переулок, ряды торговых ларьков, грязь, смрадные тени слоняющихся бродяг, промозглый ветер, злой дождь пополам с липким снегом. Я натягиваю тонкие кожаные перчатки, надвигаю шляпу на глаза, поднимаю повыше воротник пальто и быстро иду, оскальзываясь в слякоти и забрызгивая брюки водой из глубоких холодных луж.

Моя серая «Волга», вся в неряшливых разводах от талого снега, стоит там же, где я оставил ее вчера: в тесном узком дворе, метрах в ста от вокзала. Никто не проколол колеса, не разбил стекло, на бортах и крыльях не нацарапано нецензурных слов.

Да, мне везет. В последнее время особенно.

Я осторожно выбираюсь на улицу задним ходом через низкую темную арку, не разворачиваясь, еще немного сдаю назад, и останавливаюсь, включив аварийный сигнал. Уже час, как наступило воскресенье, и, несмотря на глубокую ночь, на вокзальной площади и двух пересекающих ее проспектах движение еще оживленное; впрочем, на Гончарной машин сейчас нет.

Я замечаю Оксану в зеркале заднего вида: она выходит из вокзала, оглядывается, качает головой в ответ на слова подошедших к ней таксистов и идет в мою сторону. Одной рукой она тащит за собой чемодан, другой пытается достать телефон из висящей на плече сумочки. Я вылезаю из машины и сам набираю ее номер.

– Оксана, я Вас вижу! Да, идите прямо, вот я стою здесь, большая серая «Волга»-универсал, видите?

Что бы я сделал, если бы она передумала? Если бы вызвала такси или вышла с другой стороны и просто поймала первую попавшуюся машину? Если бы сочла странным предложение самой прогуляться с багажом и под дождем до боковой улицы? Позвонил бы я ей или нет?

Но она не передумала, не вызвала, не поймала: стоит здесь, рядом со мной, капли дождя сверкают на ворсинках пальто и в чуть растрепавшихся светлых волосах, на полных губах улыбка, голубые глаза сияют – может быть, отраженным светом уличных огней, а может быть, от чего-то другого. Я открываю багажник и наконец забираю у нее чемодан.

– Осторожнее, – говорит она, – он тяжелый!

– А я сильный, – и улыбаюсь ей в ответ.

Мы садимся в салон и захлопываем дверцы. Я смотрю сначала вперед, потом в зеркало заднего вида: машин на улице по-прежнему нет, редкие прохожие спешат, низко нагнув головы, защищаясь от ветра с дождем.

– Извините, – говорю я, – машина не представительского класса. Наверное, нужно было предупредить.

– Ничего, – весело отвечает она, – главное – это хороший водитель.

– Вы, наверное, замерзли, пока дошли. Сейчас я включу печку, согреетесь.

Оксана улыбается – ей приятна моя забота. Я вижу, что она расслабляется: в машине уютно, тепло, а впереди дом, дочка, мама и отдых.

– Ну вот, можем ехать. Осталось только пристегнуться.

Она кивает и берется за ремень безопасности.

– Там механизм немного тугой, потяните посильнее, двумя руками, – подсказываю я.

Оксана послушно тянется к пряжке ремня второй рукой, разворачиваясь ко мне спиной.

Я быстро достаю из кармана пальто электрошокер, прижимаю к ее шее и нажимаю на кнопку.

Электрический разряд бьет с такой силой, что я чувствую, как шокер вздрагивает у меня в руке. Короткий треск в тишине салона кажется оглушительным, и к запаху бензина примешивается легкий аромат озона. Удар током бросает Оксану на дверцу, она с громким стуком бьется головой о стойку, а потом заваливается вперед и замирает. Сумочка, которую она так и не застегнула после того, как доставала мобильный, соскальзывает с колен и падает, рассыпая содержимое.

Это плохо. Потом нужно будет проверить, чтобы ничего не осталось в машине.

Я еще раз оглядываюсь. Всего в сотне метров на ярко освещенной площади перед вокзалом снуют силуэты десятков людей, у стоянки такси переминаются с ноги на ногу водители в ожидании припозднившихся пассажиров, машины редющим ночным потоком проносятся одна за одной по проспектам. Но улица, на которой стоит мой автомобиль, пустынна. Никто не проехал, не выглянул из темных подворотен, не прошел мимо и не постучался в окно.

Женщина рядом со мной лежит головой на передней панели, неловко вывернув шею. Она неподвижна, только левая рука слегка подрагивает от пробегающих по телу электрических разрядов. Мой шокер специально подготовленный, с увеличенной мощностью, и сознание к ней вернется не раньше, чем через четверть часа, но медлить не стоит.

Я трогаюсь с места и медленно заезжаю обратно во двор. Выхожу из машины. Серые стены узкого каменного колодца уходят высоко вверх, к неровному четырехугольнику темного неба. Пахнет холодом, сырым камнем, грязным снегом и вонючей талой водой, прошедшей через фильтры гниющего содержимого мусорных баков. В окнах домов чернота, и только в некоторых мерцают гипнотические голубоватые сполохи телевизионных экранов.

Ожившие призраки развлекают живых мертвецов.

Теперь действовать нужно быстро, но без спешки: суета мешает сосредоточиться и дезорганизует. Я открываю багажник, откидываю крышку, отделяющую багажный отсек от верхней части салона, вынимаю его чемодан, свой ящик с инструментами, и ставлю рядом на мокрый булыжник двора. Из ящика достаю большую катушку широкого скотча, охотничий нож, и иду к пассажирской двери. Оксана по-прежнему без сознания. Разумеется.

Я приподнимаю и слегка толкаю ее. Она мягко падает на бок, головой на водительское сидение. Снимаю с нее сапоги, задираю брючины и тщательно, плотно обматываю скотчем лодыжки чуть выше тонких капроновых носков. Теперь я могу разглядеть цвет лака у нее на ногтях: он темно-красный.

С руками немного сложнее: снимать в машине пальто с неподвижного тела неудобно, поэтому я засучиваю ей рукава и старательно заматываю заведенные за спину кисти, а потом для верности еще и прикручиваю руки несколькими оборотами скотча к телу на уровне локтей поверх пальто. Затем заклеиваю рот, намотав клейкую ленту вокруг головы.

Теперь нужно оттащить ее в багажник. На данном этапе это самое трудное и опасное: мои манипуляции в темном салоне автомобиля вряд ли можно было бы рассмотреть, случайно выглянув в окно или даже выйдя во двор, чего не скажешь о перетаскивании безжизненного тела.

Быстро, но без суеты.

Сначала я тяну ее за ноги, наполовину вытаскивая из салона. Пальто задирается вверх, босые стопы свешиваются на землю и светлые носки намокают черными грязными пятнами. Я нагибаюсь в салон, крепко обхватываю ее вокруг груди, прижимая к себе, и тяну. Расслабленное тело повисает на руках неподвижной тяжестью, семьдесят килограмм живого веса словно превратились в тонну вялой растекшейся плоти. Мышцы сводит от нагрузки, пальцы рук, которые я сцепил в стальной замок у нее за спиной, немеют и готовы разжаться. Я выволакиваю ее из салона и, пятясь, тащу к открытому багажнику. Ноги скребут по асфальту. Я чувствую, как мои спина и затылок будто становятся мишенями, в которые упираются невидимые взгляды из всех темных окон разом; краем глаза смотрю на арку и уверен, практически абсолютно уверен, что сейчас кто-то войдет во двор и остановится, глядя на то, как я, тяжело дыша и отдуваясь, волоку связанную женщину к багажнику автомобиля.

Но нет ни криков из окон, ни случайных прохожих, и никто не выходит из плотно закрытых железных дверей. Все тихо, только слышно, как с протяжным вздохом пронесся по пустынной улице одинокий автомобиль.

Мне везет. Я уже говорил об этом?

Я отодвигаю в сторону две канистры с бензином и заталкиваю тело в багажник как можно дальше, до самой спинки сдвинутого вперед заднего сидения, туда, где лежит длинный полотняный чехол с двуствольным ружьем. Руки гудят, мускулы слегка подрагивают, как будто я тоже получил разряд из шокера. Я забираю из салона сапоги, заталкиваю в сумочку выпавший кошелек, ключи, собираю с грязного резинового коврика рассыпавшуюся мелочь. Ее мобильный телефон я выключаю и кладу в нагрудный карман пиджака. Потом закидываю сапоги и сумочку в багажник, туда же засовываю чемодан и инструменты, отхожу на пару шагов и смотрю: снаружи заметна светлая ткань пальто, перемотанного скотчем, и босые грязные стопы. Увидеть лицо мешает красный чемодан. Я сдвигаю инструментальный ящик так, чтобы он хоть как-то заслонил ноги. Остается надеяться, что никто не станет интересоваться моим грузом.

Я сажусь за руль, медленно выезжаю из двора и отправляюсь в путь.

«Qui habitat in protectione Altissimi, sub umbra Omnipotentis commorabitur. Dicet Domino: refugium meum et fortitudo mea, Deus meus, sperabo in eum...»[1 - Первые слова девяностого псалма: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» (лат.)]

Через сорок минут город с его шумными тревожными улицами наконец остается позади. Узкое темное шоссе извивается крутыми изгибами среди лесистых холмов; в потоках дождя становится все больше крупных хлопьев мокрого снега, и щетки на лобовом стекле сгребают их вместе с водой, утрамбовывая в белую полосу и оставляя дрожащие мутные тени. Я не разгоняюсь быстрее восьмидесяти километров в час и дисциплинированно снижаю скорость, когда проезжаю светящийся большими окнами пост дорожной полиции. Постовой в длинном мокром дождевике с капюшоном едва смотрит в мою сторону и равнодушно отворачивается: водитель за рулем старой «двадцать четвертой» «Волги» не может быть ни опасен, ни платежеспособен.

После очередного подъема шоссе выпрямляется, упираясь в непроглядный мрак впереди. Небо на севере от горизонта до самой высокой точки своей сферы совершенно черное и клубится огромными тучами, словно древней неизбежной угрозой. Я вспоминаю слова из псалма: «мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных»[2 - Псалом 17, 1.12]. Не нужно думать, что, взывая к небесам, вы обращаетесь к Богу. В книге Иова сказано: «Облака – завеса Его, так что Он не видит, а ходит только по небесному кругу»[3

Иов, 22.14]. Создатель остался за кулисами земного спектакля, за завесой тьмы, ограждающей божественный взор от непотребства, в которое порочные арлекины превратили Его прекрасный и полный гармонии замысел. Здесь, под плотным пологом туч, небеса – обитель воздушных духов злобы, которые поджидают меня сейчас впереди, в черной пустоте адской бездны. И груз в моем автомобиле предназначен для доставки именно туда.

Через полтора часа я прибываю в пункт назначения. Дачный поселок темен и пуст: электричества нет, и ни сезон, ни погода не располагают жителей города к посещению своих летних резиденций. Я неторопливо пробираюсь по узким песчаным улицам меж деревянных оград, молчаливых домов, голых зарослей кустарника и высоких сосен и елей. Нужный мне дом стоит у подножия небольшого холма рядом с пересечением двух дорог: одна идет вверх и прямо, мимо дачных участков, а другая уходит правее и ниже, к густому лесу метрах в пятидесяти от перекрестка. Я сворачиваю направо. Дорога, ведущая в лес, вся изрыта промоинами, ямами и сосновыми корнями, выступающими из плотного песка, как щупальца подземных чудовищ. Машина раскачивается и подпрыгивает, мощный свет фар освещает лес впереди, и в пронзающих тьму ярких лучах он похож на сказочную пещеру, теряющиеся во мраке своды которой подпирают толстые колонны деревьев, образующие причудливый лабиринт.

Ливень устал и как будто бы постарел, яростные потоки сменились унылым и ровным дождем, шуршащим в тишине по прошлогодней палой листве, которую снег безуспешно пытался прикрыть тонким грязно-белым покровом. Кроме этого тихого шороха больше ни звука, ни движения. Некоторое время я стою, слушая тишину, потом открываю крышку багажника и вынимаю ящик с инструментами. Следом вытаскиваю чемодан, и вижу широко открытые, полные страха и слез голубые глаза. На лбу над правой бровью расплылся припухший синяк. Я захопываю багажник и запираю его на ключ. Чемодан оставляю рядом

с машиной, достаю ручной фонарь и с ящиком в руках бреду по короткому пологому склону, поросшему редкими невысокими елями и осинами.

Все три окна заднего фасада дома – два на первом этаже и одно на втором – непроницаемо темные, как и крыльцо, забранное хлипкими деревянными переплетами. Дом старый и дряхлый: на крыше комья мертвого бурого мха, обветшавшие дощатые стены покрыты чешуей выцветшей и облупившейся краски, оконные рамы рассохлись и еле держат чудом уцелевшие тонкие стекла; балкон на втором этаже угрожающе накренился, нависая над задним двором. Ржавая проволочная сетка забора провисла до самой земли на невысоких замшелых столбах. Собственно, поэтому я и выбрал это место: мне нужен был не просто пустой дом в уснувшем до лета дачном поселке, а такой, куда с наименьшей вероятностью могут неожиданно наведаться на выходные хозяева. То, что я делаю, и так довольно опасно, так что незачем множить ненужные риски. Дверь, ведущая на крыльцо, приоткрыта. Десять дней назад я сам выломал замок, расковыряв топором прогнившую древесину. Потемневшие от дождя и снега щепки так и остались валяться у порога. Значит, за это время в доме никто не побывал и даже не подходил близко: ни хозяева, ни соседи, никто.

Я вхожу внутрь, делаю пару шагов по крыльцу, стараясь не споткнуться о старые мятые ведра и жестяное корыто, на дне которого плавают в лужице грязной воды желтые сосновые иглы, и открываю внутреннюю дверь. Густая темнота пахнет сыростью, мокрой бумагой и промозглым холодом. Тусклый желтоватый луч фонаря освещает тесную комнату: небольшой деревянный стол в углу, распухшая от влаги кровать, накрытая заплесневевшим покрывалом, шаткий стул, гнутую спинку которого в свой прошлый визит я прибил гвоздями к стене. Окно, выходящее к лесу, занавешено плотной тканью. Слева чернеет дверной проем, ведущий в другую комнату. Десять дней назад я обошел весь дом, от первого до второго этажа, и во всех комнатах было одно и то же: темнота, сырость, плесень, испуганный писк разбегающихся мышей, и старая мебель, брошенная умирать в этом мрачном приюте ненужных забытых вещей.

Инструменты я оставляю в доме, с фонарем в руке возвращаюсь к машине и отпираю багажник. Когда я хватаю Оксану за пальто и пытаюсь вытащить наружу, она начинает отчаянно извиваться, мотать головой и пытается ударить меня связанными ногами, издавая громкое мычание, которое стало бы воплем, если бы не заклеенный рот. Рукой в перчатке я беру ее за волосы и тяну на себя. Она снова мычит, из зажмуренных глаз сочатся слезы, боль заставляет

перестать сопротивляться, и она ползет к краю багажника. Я нагибаюсь и говорю:

– Если ты не прекратишь дергаться, я снова ударю шокером.

Она отрицательно мотает головой и пытается что-то сказать сквозь клейкую ленту.

– Послушай внимательно. Сейчас я освобожу тебе ноги. Ты встанешь и пойдешь сама, куда я поведу. Пожалуйста, не заставляй бить тебя электричеством. Мне этого совсем не хочется.

Оксана кивает. Я помогаю ей сесть и разрезаю ножом скотч на ногах. Потом вытаскиваю чехол с ружьем, вешаю его за ляжку на шею, выключаю фары, запираю машину, и мы идем к дому. Осклизлые листья, еловая хвоя и мокрый снег расползаются под ногами, ружье при каждом шаге бьет меня в грудь, в левой руке фонарь, и, хоть я и стараюсь поддерживать Оксану под локоть, она все же падает, когда незаметная в темноте острая проволока провисшей ограды впивается в босую ногу. Мне приходится помогать ей подняться, я теряю равновесие и чуть не падаю сам, роняя фонарь.

Дело еще даже не началось, а я уже чувствую себя до смерти уставшим.

Я ввожу ее в комнату, как полагается, спиной вперед, и усаживаю на прибитый к стене стул; потом как можно плотнее прикрываю дверь крыльца и ставлю рядом пустое ведро. Если даже я не услышу, как кто-то подходит к дому, бесшумно войти сюда не удастся. Дверь в комнату я подпираю изнутри доской, которую нашел на втором этаже. Оксана смиренно сидит на стуле, не сводя с меня влажного взгляда.

Снова берусь за скотч и приматываю ей ноги за щиколотки к ножкам стула, а заведенные назад запястья – к спинке. Стул не внушает доверия: он древний и шаткий, а привязанная к нему молодая женщина рослая и крупная, но я надеюсь, что он выдержит. Я ставлю фонарь на стол, регулирую луч так, чтобы он светил Оксане в лицо, потом открываю ящик и раскладываю содержимое на покрытом бурыми пятнами покрывале кровати: молоток с резиновой рукоятью, пассатижи, большие портновские ножницы, литровую бутылку с водой, нашатырный спирт, упаковку валидола, бритвенный станок и гель

для бритья, блокнот и ручку; рядом кладу свой нож и электрошокер. Арсенал скудный, но приходится обойтись тем, что есть. Потом извлекаю большой защитный костюм с капюшоном для малярных работ, снимаю пальто и шляпу. Влажный холод пробирает до костей, дом выстужен и отсырел насквозь, но придется терпеть. Я влезая в защитный костюм, застегиваю его, затягиваю капюшон, и меняю свои кожаные перчатки на другие, резиновые, с длинными раструбами почти до локтей. В ящике остается моток толстой стальной проволоки.

Я беру ножницы, показываю ей и говорю:

– Я сниму с тебя одежду. Прошу, сиди спокойно и не препятствуй мне.

В голубых глазах страх и облегчение одновременно: ей кажется, она понимает, что я хочу с ней сделать, и это пугает меньше, чем неизвестность.

Я старательно разрезаю пальто, свитер, футболку, брюки. Наверное, у нее самой это получилось бы лучше, но я не портной, и мне приходится кроить и кромсать довольно долго, пока вся одежда не превращается в ворох изрезанных тряпок, лежащих на грязном полу. Потом снимаю с нее изорванные грязные носки, обнажая босые стопы. Тщательно исследую каждый кусок ткани – ничего не вшито, не прикреплено изнутри, никаких знаков, кроме фабричных меток. Хорошо.

Когда я принимаюсь за нижнее белье, она начинает дрожать. Разрезанный бюстгальтер раскрывается, и большие груди мягко выпадают наружу. Ее соски затвердели от холода, налились темно-красным, и я с трудом отвожу от них взгляд. Когда я разрезаю трусы, она рефлексивно пытается свести бедра, но я кладу ладони ей на колени, раздвигаю и смотрю между, на розовую полоску плоти среди нежных складок, чувствуя отчетливый, горячий, волнуемый запах. На лобке заметна легкая тень от чуть отросших волосков, и я думаю, что если провести по ним рукой, то они будут приятно покалывать подушечки пальцев.

Значит, бритва и гель мне не понадобятся.

Осталось избавить Оксану от скотча на лице. Я встаю, осторожно разрезаю слою клейкой ленты у нее на губах и отдираю рывком. На затылке скотч запутался в волосах, и на ленте остаются длинные светлые пряди.

Она вскрикивает и некоторое время часто и прерывисто дышит ртом. Потом поднимает на меня глаза, и мы молча смотрим друг на друга.

- Что Вам нужно? - наконец произносит она.

- Поговорить, - отвечаю я, и это чистая правда.

- Послушайте, у меня есть деньги, там, в сумочке, конверт, в нем сто семьдесят тысяч, предоплата за заказ, возьмите...

Я качаю головой, и она замолкает.

Пора начинать.

Конечно, полностью исполнить предписанный законный порядок возможности нет. Я не могу пригласить епископа или его заместителя, не могу ждать восемь дней, чтобы получить их письменное согласие, которое мне все равно никто не даст, рядом со мной нет судьи и утвержденного судьей палача, да и у меня самого - ни сана, ни благословения. Но на войне не до бюрократических процедур. «В религиозных процессах должно быть сокращённое судопроизводство, лишённое излишних формальностей»[4 - Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»], - и эти слова подходят как нельзя лучше к той ситуации, в которой оказался мир почти через шесть с половиной веков после того, как Шпренгер и Инститорис создали свой прославленный труд.

Тем не менее, хотя бы минимальные правила должны быть соблюдены. Я встаю перед привязанной к стулу женщиной и говорю:

- Во имя Господне, аминь. В год от рождества Христова 20..., пятого дня, а потом двадцать пятого дня месяца февраля до моего слуха дошло, что ты, Оксана Титова, из города Санкт-Петербурга, вошла в союз с дьяволом, вступив в еретическое сообщество ведьм, с целью околдования, наведения порчи и прочего, что идёт против веры и служит во вред обществу. Понятно ли тебе данное обвинение и признаешь ли ты его?

В ее глазах ужас.

- Вы сумасшедший, - шепчет она, - Вы самый настоящий сумасшедший, псих...

И вдруг начинает смеяться, все сильнее и сильнее, запрокидывая лицо, измазанное мокрой землей и черной растекшейся тушью.

- Сумасшедший! Сумасшедший...

- Пожалуйста, ответь на вопрос, - негромко говорю я, но Оксана продолжает смеяться, и здесь, в темноте пустого дома, среди молчаливых холодных стен и могильной сырости смех этот звучит по-настоящему жутко.

Я продолжаю: говорю об основаниях для обвинения и внимательно смотрю на нее, когда называю имена и перечисляю свидетельства, а она только хохочет все громче, пока смех не переходит в истерические рыдания. Я мог бы вынести ей приговор прямо сейчас, на основании двух свидетельств, согласно утверждению Бернарда, в ординарной глоссе к канону «Ad abolendam, praesenti», но у меня еще есть вопросы, которые требуют ответов, и ответы эти я получу. Я повышаю голос, перекрывая исторгаемые ее хохот и рыдания, и еще раз спрашиваю:

- Признаешь ли ты оглашенное обвинение в ереси и колдовстве, подкрепленное свидетельствами, и готова ли принести покаяние в совершенных тобой беззакониях?

Слезы грязно-серыми дорожками стекают по ее лицу, она мотает головой, а потом кричит мне в лицо:

- Нет! Нет! Псих! Отпусти меня! Ненормальный!

- Ты не оставляешь мне выбора, - говорю я и произношу полагающуюся в таком случае формулировку. - Принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, Оксана Титова, я пришел к заключению, что ты в своих показаниях лжешь и упорствуешь. Имеющихся против тебя улик достаточно для того, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому я объявляю, что ты должна быть пытаема сегодня же и немедленно. Приговор произнесён.

Я достаю из бокового отделения ящика несколько небольших мешочков на длинной тесьме: в них освященная соль, травы и воск. Такие же точно висят сейчас у меня под одеждой. Она отчаянно мотает головой, но я надеваю все это ей на шею. Зашитые в ткань святыни болтаются на голой груди. Я беру в правую руку молоток, присаживаюсь на корточки у ее ног и смотрю на прекрасные стопы, на испачканные разводами талой грязи красивые пальцы с темно-красным лаком, и мне хочется прикоснуться к ним губами. Или провести языком.

Она перестает хохотать и сейчас слышно только хриплое, прерывистое дыхание. Я зажмуриваюсь и стискиваю святыни под водолазкой. Потом открываю глаза и заношу молоток.

– Нет, нет, нет, нет... – раздается шепот, но в тот же момент я бью что есть силы.

Удар выходит неудачным: железо скользит по мизинцу, срывая кожу и мясо и обнажая ярко-белую кость. Раздается пронзительный вопль, темная, как лак на ногтях, темно-красная кровь мгновенно наполняет рану, и тут я бью второй раз. Глухой стук и треск, как будто раздавили крупный орех. Молоток дробит кость, расплющивая мизинец так, что тот вытягивается вперед, превратившись в красно-белую мешанину, из которой вверх торчит маленький вишневый ноготь.

Оксана кричит и с силой откидывается назад на трещащем стуле. Грудь подпрыгивают, мускулы ног напрягаются под белой кожей, затылок ударяется в стену. Крик гложет среди рыхлых стен, сырых обоев и тряпок. Снаружи его можно было бы услышать, только проходя рядом с домом, но я уверен, что никто сейчас не пройдет мимо и не станет прислушиваться к звукам в глубокой ненастной ночи.

– Признаешь ли ты себя виновной в отречении от Бога, в попрании веры и союзе с дьяволом?

Она не отвечает, только извивается на шатающемся стуле и кричит. Я вновь размахиваюсь молотком, и на этот раз удар получается точным с первого раза: второй палец с хрустом ломается, неестественно изогнувшись. Кровь летит брызгами, а потом проливается на пол густой тягучей волной. Оксана вопит и на этот раз подается вперед, так сильно, что едва не выдирает из стены гвозди, которыми приколочена спинка. Я бью третий раз.

Когда я заканчиваю с левой ногой, двумя последними ударами не без труда раздробив сустав большого пальца, она уже не кричит, а только издает какое-то хриплое карканье. Голова болтается, длинная тягучая нитка кровавой слюны свешивается на грудь. Пальцы страшно изувеченной стопы слиплись и похожи на кусок фарша, перемолотый нерадивой хозяйкой вместе с костями. Весь пол залит кровью, но в пальцах конечностей человека проходят только малые сосуды, поэтому умереть от кровопотери ей не грозит. В тяжелой влажной духоте комнаты раздается запах мочи: прозрачная лужица собирается у нее между ног и тонкой струйкой стекает на пол. Оксана по-прежнему ничего не говорит, и я прерываюсь, не желая, чтобы от боли она окончательно впала в беспамятство. Я подношу к ее ноздрям пузырек с нашатырным спиртом, она дергается, но не поднимает головы.

Нужен отдых.

Мне становится жарко. Я делаю несколько глотков воды из бутылки. Тело под защитным костюмом кажется раскаленным, по спине стекают капли пота, холодный влажный воздух касается разгоряченного лица, как ледяная вода после парной. Я смотрю на мягкие изгибы полного, зрелого женского тела, на широкие бедра, большие мягкие груди, на белую кожу, покрытую испариной, поблескивающей в свете фонаря, и думаю, что еще могу с ней сделать. В низу живота разливается жидкое пламя, член набухает и ноет, подсказывая невыносимые ответы. Мне хочется встать у нее перед лицом и расстегнуть ставшие тесными брюки, стиснуть грудь или отвязать ее руки от спинки стула, поставить на колени, повалив лицом на кровать, раздвинуть крупные ягодицы, и...

Я провожу рукой по лицу, прогоняя наваждение. С двумя страстями приходится бороться во время дознания – гневом и похотью, и нельзя позволять им взять верх над собой. пытка должна быть функциональной и эффективной, и служить достижению целей допроса, а ни в коем случае не услаждению страстей палача.

Переведя дух, я снова сажусь на колени и кладу ладони на ее бедра. Даже сквозь перчатки я чувствую, что они холодные и влажные, как лед.

– Оксана, – зову я.

Она смотрит на меня мутным взглядом и кривит рот, желая заплакать.

- Оксана, я прошу тебя во имя братской любви и грядущего спасения души сказать все, что мне нужно. Это ведь не сложно, правда?

Оксана прикусывает губу, в ее глазах страх, и она отчаянно мотает головой. Ее лицо рядом с моим, и мне хочется поцеловать ее покрасневшие припухлые губы.

- Послушай, - снова увещаю я. - Мне придется пытаться тебя до тех пор, пока ты не признаешься. Видит Бог, я не хочу этого делать. Правда, не хочу.

Она отводит глаза и молчит.

- Признаешь ли ты себя виновной в попрании веры и союзе с дьяволом?

Только хриплое дыхание в ответ. Я со вздохом беру молоток, заносу его для удара, и тут она вдруг кричит:

- Да! Да! Да! Да...

Я встаю, беру бутылку с водой и прикладываю к ее губам. Оксана делает несколько жадных глотков, вода течет у нее по лицу и груди. Я стараюсь не смотреть. Голова ее запрокидывается, глаза закатываются, и я едва успеваю убрать бутылку, чтобы вода не залила горло. Мне приходится снова давать нашатырь, а потом вылить почти всю воду ей на голову.

Через несколько минут она начинает говорить. Речь путается от боли и страха, и мне приходится подсказывать ответы, иногда помогая себе молотком.

- Признаешь ли ты себя виновной в союзе с дьяволом?

- Да!

- Признаешь ли ты, что топтала и попирала крест в знак отречения от веры?

- Да!

- Признаешь ли, что попирала Святые Дары и богохульствовала?

- Да!

- Признаешь ли, что давала клятву дьяволу слушаться его, служить ему и во всем подчиняться?

- Да!

- Признаешь, что участвовала в шабашах, черных мессах и сатанинских ритуалах?

- Да!

- Есть ли на тебе отметина, оставленная дьяволом в знак того, что ты принадлежишь ему не только душой, но и телом?

- У меня есть татуировка...

Я замахииваюсь.

- Это отметина дьявола?

- Да!

- Где?

Она резко наклоняет голову, откидывая волосы вперед. Я беру фонарь и свечу: сзади на шее, под самыми волосами, виден небольшой синеватый рисунок, схематичное изображение перевернутого трезубца. Во всяком случае, не пришлось искать самому.

- Признаешь ли, что на шабашах приносила в жертву некрещеных младенцев и пила их кровь?

Оксана не отвечает, плачет, трясется, и я без замаха, но с силой бью молотком по изувеченной левой стопе.

Она воет.

- Да! Да! Да!!!

Она подтверждает все, что касается деталей проведения дьявольских ассамблей и есбатов, известных мне по книгам. Признается в святотатстве, похищении детей, в кошмарных жертвоприношениях и разнузданных оргиях. Она рыдает, срываясь на крик, захлебывается словами и плачем, и я решаю сделать еще один перерыв. Сейчас, когда тело ее истерзано, а дух сломлен и подчинен моей воле, между нами устанавливается особая близость, сродни интимной. Все ее существо в моей власти, и она чувствует это. Я сажусь на пол, прислонившись спиной к кровати, прикрываю глаза, как вдруг слышу дрожащий голос:

- Я раскаиваюсь...

Она смотрит на меня: глаза покраснели от боли и слез, и я думаю о распространенном мнении, что ведьма не может плакать. С другой стороны, «свойство женщин – это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попущения, даже и ведьма заплачет»[5 - Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»].

- Что ты сказала?

- Я раскаиваюсь...

- В чем же?

- Во всем...в чем нужно...про что говорила... Пожалуйста, можно мне еще попить?

Я даю ей остатки воды и строго говорю:

- Покаяние должно быть деятельным. Расскажи то, что мне нужно знать, и я приму его.

- Что еще мне надо рассказать?

- Расскажи все, что знаешь про других ведьм.

Лицо ее искривляется совсем как у ребенка, и она снова начинает плакать, тихо, жалобно и обреченно.

- Но я ничего не знаю...ничего...

- Оксана, - говорю я мягко, - есть правила, понимаешь? Раскаяние нужно доказать. И если ты сможешь сообщить мне что-то, что угодно, что поможет найти остальных, я оставлю тебя в живых.

В ее глазах недоверие и надежда.

- Обещаете?

Я нежно провожу рукой по ее волосам, убираю свисающие мокрые пряди.

- Разумеется, обещаю. Зачем мне тебя убивать? Я даже отвезу тебя в больницу, которая сейчас будет весьма кстати. Попробуй вспомнить все с самого начала, а там посмотрим, может быть, что-то окажется полезным.

Я глажу ее по голове, целую в лоб. Она прерывисто вздыхает и начинает говорить, время от времени поглядывая на меня, словно ожидая подсказки или одобрения, совсем как примерная школьница, отвечающая урок строгому учителю.

Три месяца назад Оксана пошла к одной колдунье - гадалке, ворожее - чтобы сделать заговор на богатство. Нашла ее по объявлению в газете. Отчаянное материальное положение довело несчастную женщину до мысли о том, что иного средства для поправки дел уже не осталось. Колдунья несколько раз что-то ворожила, благополучно забрав за свои сомнительные услуги немногие последние деньги, а потом предложила более сильное и по-настоящему

действенное средство, если, конечно, Оксана решится. И та решилась. Во время посвящения на первом шабаше, когда дело дошло до принесения жертвы, она едва не сбежала, но осталась. Ради дочери. Потом ей вручили талисман, старинную монетку, которую она с тех пор постоянно носит с собой, в сумочке: гадалка сказала, что так надо, и что теперь все будет хорошо. И действительно: почти сразу она получила два отличных заказа от стрип-клубов на пошив платьев, а потом позвонили и из Москвы – тоже клуб, и тоже солидные деньги. Все происходящее казалось ей счастьем и чудом. Все, кроме необходимости каждый месяц участвовать в ассамблее ковена и чудовищных ритуалах шабаша.

Монотонный дождь тихо шуршит по старой шиферной крыше, в комнате становится как будто теплее и даже уютнее, а я сижу на полу, рядом с растекшейся лужей мочи и крови, и думаю, что пользы от ее откровений немного. Где проходили ассамблеи ковена, она не знает: та самая старуха, гадалка, заезжала за ней и отвозила с завязанными глазами в какой-то заброшенный дом, в подвале которого были организованы сборища, а потом точно так же увозила обратно. Имен она тоже не знает, точнее, настоящих имен, только те, которыми они называли друг друга на шабаше: Прима, Княгиня Ковена; Альтера и Терция, старшие ведьмы; Кера, Лисса... Ее саму при посвящении называли Шанель – наверное, из-за профессии. Она не может описать даже лица, потому что на тех двух есбатах, где пришлось побывать, все были в масках – но она, наверное, смогла бы узнать голоса. Конечно, она может рассказать про старуху-гадалку: есть и номер телефона, и адрес, и имя...

– Нет, – говорю я. – Про нее я и так все знаю. Может быть, что-то еще?..

Она делает вид, что задумалась. Я тянусь к молотку, Оксана замечает это и кричит:

– Я вспомнила, вспомнила!

Одна из ведьм, которую называли Белладонна, узнав о ремесле Шанель, попросила сшить ей костюм несколько специфического свойства: платье из полупрозрачной ткани, очень короткое и полностью открытое на груди.

– Понимаете, не просто вырез, а чтобы грудь совсем была открыта. Я спросила, зачем, а она засмеялась и сказала, что это профессиональная одежда...

- Она тоже танцует стриптиз?

- Я спросила об этом, а она сказала, что нет, но больше ничего...

- Можешь описать эту Белладонну? Если не лицо, то, может быть, рост, фигура? Оксана, ты же швея, я верю, ты сможешь! - подбадриваю я.

Оксана задумывается, а потом выдает: светлые волосы, рост примерно 168 сантиметров, размер одежды 44-й, высокая талия...ну, и все, наверное.

- А возраст?

- Чуть младше меня...может быть, лет двадцать пять...но не старше, чем я, это точно.

- А какие-то особые приметы? Татуировки, шрамы? Тип внешности какой-то особый?

Она снова думает и говорит:

- Не помню...глаза, кажется, зеленые... - и жалобно смотрит на меня.

Под такое описание подходят сотни, если не тысячи женщин в городе. Я думаю, не продолжить ли пытку, но останавливаюсь. Известно, что «некоторые из пытаемых обладают столь слабым характером, что они подтверждают все, что им говорят; и даже ложные сведения подтверждаются ими»[6 - Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»]. А мне не нужно, чтобы она начала фантазировать.

Пора заканчивать. Я поднимаюсь и говорю:

- Оксана, спасибо тебе, ты все сделала правильно. Мы закончили.

Она смотрит на меня и лепечет:

– Вы же обещали отпустить, помните? Вы обещали... у меня мама с дочкой сидит...я должна...дочка...

Лицо ее опять кривится в гримасе плача. Я снова глажу ее по голове, прижимаю к себе и шепчу на ухо:

– Конечно, конечно, все будет хорошо. Подожди минуту, пожалуйста.

С ножом и фонарем я иду вглубь дома. В одной из комнат нахожу старинный приемник: огромный деревянный сундук на ножках, с проигрывателем под верхней откидной крышкой. Отрезаю от него электрический шнур, засовываю в карман и возвращаюсь обратно. Все авторитетные ученые сходятся во мнении, что обещание сохранить жизнь нужно держать только до окончания процесса, и некоторые полагают, что потом сознавшуюся ведьму все же следует сжечь живой. Но я считаю, что кроме правосудия есть еще и традиции милосердия в отношении тех, кто принес покаяние.

– Сейчас я разверну стул, чтобы развязать руки. Сиди спокойно.

Клещами вытаскиваю вбитые в стену гвозди, с усилием разворачиваю Оксану на стуле спиной к себе и достаю из кармана провод.

– Прости меня. Мне правда очень жаль.

Я быстро накидываю удавку ей на шею и с силой затягиваю. Оксана дергается и отталкивается ногами так, что стул подпрыгивает, врезается спинкой мне в живот и едва не опрокидывается, из ее груди вырывается сдавленный судорожный звук, так и не ставший криком, а я быстро делаю еще одну петлю и тяну сильнее. Она хрипит. Внезапно пальцы ее рук, связанных за спиной, впиваются ногтями мне в ногу выше колена. От резкой боли я чуть не выпускаю провод, но продолжаю тянуть, чувствуя, как ее ногти рвут защитный костюм, вонзаются в кожу сквозь ткань брюк, а кисти рук, невероятно выгибаясь, подбираются к паху. Я наваливаюсь вперед, чтобы подключить мышцы груди, как при упражнении с эспандером, и растягиваю провод, словно хочу его разорвать. Удавка впивается ей в шею так глубоко, что исчезает в складках побагровевшей кожи. Хрип прерывается, отчаянная хватка пальцев на моем бедре слабеет, но я продолжаю тянуть что есть сил, и стою, вцепившись в концы провода, еще минуты две после того, как ее тело расслабилось

и обвисло на стуле.

«Ворожей не оставляй в живых»[7 - Исход, 22.18].

Выпускаю удавку из онемевших пальцев, устало присаживаюсь на кровать, стараясь не смотреть на лицо. Я чувствую себя совершенно измотанным и усталым, но все же нахожу в себе силы, чтобы прочитать отходную молитву.

«Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis...»[8 -

Начальные слова католической заупокойной молитвы: «Покой вечный даруй им, Господи, и свет вечный да светит им» (лат.)]

Ночь уже прошла, утро еще не наступило. Мир как будто застыл вне времени и вне пространства. Только мрак вокруг, и небесная влага с недобрым шепотом оседает во тьме на невидимый лес, дремлющий в ожидании настоящей весны.

Я ставлю ящик с инструментами рядом с машиной, прислоняю ружье к багажнику, и с ножом в руках снова возвращаюсь в дом. Разрезаю скотч, удерживающий недвижимое тело на стуле, и оно грузно валится на пол. Потом беру труп за ледяные лодыжки и выволакиваю наружу. Голова с глухим стуком бьется о деревянные пороги и низкую ступеньку крыльца. Я тащу тяжелое тело за ноги, слышу шорох, с которым оно скользит по гниющей мокрой листве и чувствую, как еще теплая кожа цепляется, а потом рвется об острую проволоку поникшей изгороди. Когда я кое-как усаживаю ее, прислонив спиной к замшелому бетонному столбу, мне все-таки приходится взглянуть ей в лицо: оно сине-багровое, все в темных отметилах полопавшихся сосудов, безобразно одутловатое, как будто покойница обиженно надула щеки перед смертью. Ниже впившейся в шею удавки тело белое, как бумага, и округлившаяся темная голова с чудовищным колтуном спутавшихся длинных и грязных волос, в которых застряли листья и мелкий сор, кажется головой огородного пугала, приставленной к женскому телу.

Крепко привязывать труп нет смысла, но я все же для порядка прихватываю тело к столбу проволокой за шею и под грудью и последний раз возвращаюсь в пустой дом, чтобы забрать пальто, шляпу и разрезанные тряпки.

Вытряхиваю на колени покойнице содержимое большого красного чемодана: туфли, одежда, большая косметичка, флакон с шампунем, куски каких-то тканей вываливаются бесформенным ворохом. Последней выпадает кукла «Monster High» в картонной упаковке: гротескная большеголовая девица с тонкими ручками и ножками, выглядящая, как проститутка, накрасившаяся к Хэллоину.

Какое время, такие и игрушки. Сейчас весь мир похож на размалеванную для Хэллоина шлюху.

Бросаю на куклу пустой чемодан, на него летят сапоги, которые я достал из багажника, и куски искромсанный одежды. Потом при свете фонаря изучаю содержимое сумочки: вынимаю из внутреннего кармашка на «молнии» паспорт в яркой обложке, конверт с небольшой пачкой пятитысячных купюр, который прячу во внутренний карман пиджака; в него же засовываю еще один конверт, маленький, из плотной желтой бумаги, в котором лежит старинная медная монета. Остальное добавляю к куче других вещей. Последними туда отправляются мой разобранный мобильный телефон, испачканный защитный костюм и резиновые перчатки. Святыни на шее покойницы я не трогаю: хотя на этот счет и нет никаких прямых указаний, мне почему-то кажется, что так будет правильно.

Я завожу двигатель, зажигаю фары, разворачиваю машину и выхожу для свершения последнего акта. В мертвом электрическом свете, среди тьмы молчаливого леса, засыпанное пестрыми тряпками мертвое белое тело с темно-багровой головой и истрепанной паклей грязно-светлых волос, выглядит, как работа сумасшедшего бутафора.

«Книга, как здорово! Я обязательно куплю! Дадите мне автограф?»

Я вытаскиваю из багажника канистру с бензином и короткую деревянную рейку с прибитой фанерной табличкой. На табличке краской по трафарету выведено: «ВЕДЬМА». Я втыкаю табличку в песок на дороге, кладу рядом найденный в сумочке паспорт, а потом поливаю бензином рассыпанные вещи, одежду, лью на голову и голые плечи. Убираю канистру обратно, вынимаю из кармана спички, потом случайно бросаю взгляд в сторону и вздрагиваю так, что роняю коробок. На фоне темного силуэта дома чернеет, как провал в непроглядную потустороннюю тьму, нечеткое очертание высокой человеческой фигуры. Я отворачиваюсь, медленно поднимаю упавший коробок, а когда снова поднимаю глаза на дом, фантом уже исчез. Я перевожу дыхание и чиркаю

спичкой.

Огонь вспыхивает мгновенно, с ровным, опасным гудением. Пламя такое яркое, что резью бьет по глазам. Я вижу, как вспыхивают волосы, как быстро чернеет и лопается кожа, и тело едва заметно ерзает в пламени, словно пытаюсь встать. Когда большая грудь чуть поднимается, сжимаясь, обугливаясь, и покрывается трещинами, из которых сочится наружу моментально закипающий в пламени жир, я отворачиваюсь и иду к машине.

«Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания. Поэтому, если даже они раскаются и обратятся к вере, они не заточаются в пожизненную тюрьму, а предаются смерти»[9 -

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»].

Я долго кружу по проселочным дорогам, вдали от трасс с их постами полиции и камерами видеонаблюдения, пока не выезжаю на шоссе по направлению в город. Дождь перестал, и темно-серое небо начинает нехотя светлеть на востоке. Справа меж редких деревьев сначала мелькает, а потом раскрывается вдаль и вширь гладь огромного озера. Я останавливаю машину на обочине и выхожу.

Вокруг ни души. Над озером купол торжественной предутренней тишины. Наступает Лэтаре – четвертое воскресенье Великого Поста. Я глубоко вдыхаю холодный чистый воздух и смотрю в небо. Там пусто.

«Laetare Jerusalem: et conventum facite, omnes qui diligitis eam...»[10 - ** Исаия, 66.10: «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нём, все любящие его» (лат.)]

У берега еще держится грязный лед, но уже в нескольких метрах за ним неподвижно чернеет маслянистая поверхность воды. Я лезу в карман, достаю оттуда конверт с медной монеткой и некоторое время смотрю на нее, держа на ладони: старая копейка, с полустертым изображением царского герба и двумя различимыми цифрами: 18... Я широко размахиваюсь и с силой бросаю ее в озеро. Монета описывает широкую дугу и с едва заметным плеском исчезает в темной воде.

Из нагрудного кармана пиджака вытаскиваю мобильник Оксаны, включаю его и набираю короткий номер полиции.

– Я хочу сообщить о местонахождении трупа с признаками насильственной смерти.

Меня не перебивают, пока я рассказываю, где они могут найти тело, но потом обязательно начнутся вопросы, на которые я не буду отвечать. Поэтому я просто говорю на прощание:

– Я снова сделал вашу работу.

Глава 2

– Вам еще повторить?

Бармен Дэн, большой добродушный парень в бейсболке и черной футболке с изображением какого-то персонажа комиксов. Дэн – настоящий бармен, и прекрасно чувствует, каким должен быть для каждого гостя за стойкой в любой момент времени: молчаливой тенью или веселым шутником, другом для разговора по душам или просто собутыльником, рассказчиком или внимательным слушателем. С Алиной он всегда безупречно вежлив, предупредителен и держит почтительную дистанцию, что лишний раз подтверждает: Дэн – настоящий бармен.

– Да, повторить то же самое. И посчитать.

Дэн аккуратно наливает порцию виски, ловко бросает туда два кубика льда, несколько церемонно кивает и идет за счетом. Алина поднимает бокал, вдыхая праздничный карамельный аромат «Джек Дэниэлс». Если прикрыть глаза, то можно представить, что за окном все тот же ноябрь: та же хмарь из снега с дождем, угрюмое небо, холодный ветер, мокрые крыши, тот же город, похожий на ветшающий склеп, та же работа – жизнь застыла в сером промозглом безвременье. Даже тот же паб – «Френсис Дрейк», в котором осенью Алина переступила порог, навсегда разделивший ее жизнь на до и после. Наверное, потому она и бывает тут так часто: люди всегда приходят туда, где чувствуют связь с прошлым, до тех пор, пока это прошлое им дорого.

Из колонок звучит разудалый кельтский рок, и ирландские парни хрипло поют про пушки и барабаны, барабаны и пушки. Алина делает глоток, и добрый друг Джек согревает мысли и чувства ласковым жидким огнем. Она встряхивает золотисто-рыжими волосами, ставит стакан на темное дерево стойки и смотрит вокруг. Сейчас суббота, но людей меньше, чем можно было бы ожидать в ненастную ночь, когда многие стремятся укрыться от тревожной тоски в желтоватом теплом сумраке паба. Несколько пар расположились за длинными высокими столами у окон, на низком кожаном диване у дальней стены пристроился маленький индус, из второго зала временами доносится многоголосый густой мужской смех.

Может быть, они пьют как раз за тем столиком у окна, думает Алина. И ставят пивные кружки туда, где полгода назад лежали папки с фотографиями растерзанных девичьих трупов.

Вдоль длинной барной стойки, блестящей в полумраке полированным деревом и латунными поручнями, на высоких табуретах чинно сидят постоянные гости, почетные члены клуба полуночных пьяниц. Перед каждым стакан с любимым напитком; иногда они перебрасываются репликами друг с другом или вступают в беседу с барменом, но чаще просто сидят и молча пьют, глядя перед собой, как будто ожидая чего-то. Некоторых Алина знает по именам, но большинство просто в лицо. Они ее тоже знают, и когда Алина приходит и садится на свое место у правого края стойки, ей кивают, и она кивает в ответ. За те три месяца, что Алина появляется здесь, все уже выучили, что к ней не нужно приставать с разговорами, не говоря уже о том, чтобы просто приставать. У Алины свои привилегии этого сообщества ночных одиночек, и остальные его члены воспринимают ее как часть здешнего мира: невысокая молчаливая молодая женщина с золотистыми волосами и строгим лицом, заглядывающая на пару часов вечерами и скрашивающая пустоту пьяной ночи возможностью строить предположения о загадке ее одиночества. Интересно было бы послушать их версии, думает Алина и усмехается. Насколько близко они оказались бы к истине? Хотя, если опустить некоторые обстоятельства ее жизни, истина очень проста: ей, как и всем остальным, просто некуда идти и не хочется возвращаться в то место, которое, за неимением более точного слова, называется домом. И, как и все, она ждет, только в отличие от других, знает, чего именно.

Иногда, обычно перед тем, как наступает пора уходить, ей кажется, что сейчас откроется дверь, и вместе с дуновением холода сюда войдет Гронский, в черном

костюме, пальто, в белой рубашке, по обыкновению бледный, небритый, высокий и прямой, как палка. Он сядет рядом, закурит, возьмет себе виски и снова позовет за собой, туда, за порог, который она переступила когда-то. В такие минуты Алина с радостью согласилась бы снова терпеть его раздражающую манеру общаться, привычку скрывать и недоговаривать, высокомерие и категоричность, была готова простить ему то, что он показал ей другую, яркую и насыщенную жизнь, а потом пропал, оставив ее здесь, в омуте остановившегося времени. Конечно, она знала, что он не придет и не позовет, но думать об этом было и больно, и приятно одновременно, словно сами мысли позволяли ей сохранить связь с теми шестью неделями, изменившими все.

Кадровые потрясения, которое испытало в ноябре Бюро судебно-медицинской экспертизы, обернулись для Алины во благо: она заняла должность начальника отдела экспертизы трупов, что давало больше возможностей для ее излюбленной формы эскапизма – полного погружения в работу. Закончился ледяными дождями темный ноябрь, под стенания жителей города о так и не наступившей толком зиме прошел и невразумительный декабрь. За три дня до Нового года Алина отметила свой тридцатый день рождения. Вдвоем с отцом они посидели в гостиной его загородного дома, помолчали о разном, а потом папа сделал ей неожиданный подарок – маленький золотой крестик на цепочке, точную копию того, что был у ее мамы. Годом раньше Алину такой подарок тронул бы до глубины души; впрочем, он тронул и сейчас, но несколько иным образом, вызвав воспоминания об эксгумации, потемневших останках, а еще о тех обстоятельствах, которые привели к гибели мамы много лет назад. Крестик Алина с благодарностью приняла, надела его на шею и засобиралась домой.

Новый год она встретила в одиночестве.

К счастью, ее работа позволяла игнорировать Рождественские каникулы с их изнуряющим бездельем и какой-то ритуальной раблезианской невоздержанностью. Алина каждый день приезжала в Бюро, сама проводила экспертизы, писала заключения и с удовольствием подменяла своих счастливых коллег, которые уезжали в отпуск и на страницах Социальной сети радостно выставляли напоказ голые ноги на фоне пляжей и моря. Но работа не приносила былого удовлетворения. Все чаще Алиной овладевало странное беспокойство, словно все, чем она занималась, не имело никакого смысла, будто жизнь мелькнула на миг, и прошла стороной. Алине не хватало ощущения настоящего дела, и то, что когда-то пугало и вызывало у нее отторжение, сейчас казалось

захватывающим и ярким приключением. Ей стали сниться тревожные сны: в них она пробиралась по сумрачным подвалам, карабкалась по крышам, стреляла из дробовика по неясным теням в лабиринтах дворов, перескакивала на машине через разводящийся мост, и постоянно то ли гналась за кем-то, то ли пыталась убежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Первые слова девяностого псалма: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» (лат.)

2

Псалом 17, 1.12

3

Иов, 22.14

4

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

5

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

6

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

7

Исход, 22.18

8

Начальные слова католической заупокойной молитвы: «Покой вечный даруй им, Господи, и свет вечный да светит им» (лат.)

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

** Исаия, 66.10: «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нём,
все любящие его» (лат.)

Купить: <https://tellnovel.com/konstantin-obrazcov/molot-vedm-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)